

чии достаточных оснований полагать, что данный участник уголовного процесса скроется от них, а также п. 18.3 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [4], в которой закреплена обязанность следователя в трехдневный срок письменно информировать орган дознания о факте избрания в отношении конкретного лица меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, в целях постановки их на профилактический учет. При этом следует учитывать, что анализ ведомственных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих ведение профилактических и иных видов учетов, показал, что они не содержат четкого описания мер предупреждения, которые должны применяться при получении органом дознания подобных уведомлений.

Обозначенный правовой пробел является серьезным недостатком действующего розыскного законодательства, так как перечисленных правовых мер, как показывают приведенные выше данные статистики, явно недостаточно для того чтобы качественно повлиять на снижение фактов сокрытия рассматриваемых категорий лиц от органов предварительного расследования.

Фактически сегодня предупреждение уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов предварительного расследования, как самостоятельная форма розыскной работы, не имеет правовой основы и находится в плоскости методических рекомендаций, игнорирование положений которых не влечет за собой никаких негативных последствий для субъектов розыскной работы, включая в их число дознавателей и следователей [5, с. 120–123].

Решение обозначенного правового пробела видится в издании межведомственного приказа, закрепляющего соответствующую инструкцию, которым был бы четко определен перечень обязанностей субъектов розыскной работы в сфере предупреждения уклонения лиц (подозреваемых и обвиняемых) от органов дознания и следствия. При этом в качестве рекомендации к содержанию проекта инструкции предлагаем закрепить в ней отдельные разделы, где описывались бы виды конкретных профилактических мер, которые должны предприниматься соответствующими должностными лицами (оперуполномоченными, дознавателями, следователями и др.) на различных стадиях оперативно-розыскного и уголовного процессов.

Список использованных источников

1. Сводный отчет о розыске лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших,

а также об установлении личности граждан и неопознанных трупов за 2018–2020 годы. – М. : ГИАЦ МВД России, 2020.

2. Загайнов, В.В. Организация розыскной работы в органах внутренних дел : учеб. пособие / В.В. Загайнов, Е.В. Кузнецов. – Иркутск : ВСИ МВД России, 2016. – 60 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон, 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 24.04.2020 г. // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921; 05.05.2020. – № 31 (ст. 5219).

4. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : приказ МВД России, 17 янв. 2006 г., № 19 : ред. от 28.11.2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кузнецов, Е.В. Предупреждение уклонения подозреваемых и обвиняемых от органов дознания и предварительного следствия / Е.В. Кузнецов // Науч. дайджест Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2019. – № 2. – С. 117–123.

УДК 343.125

Л.В. Павлова

О ЗАПРЕТАХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ НОВОЙ МЕРОЙ ПРЕСЕЧЕНИЯ (ст. 123¹ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Согласно Закону Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) дополнен ст. 123¹, которой регламентируется новая для отечественного законодательства мера пресечения, получившая наименование «Запрет определенных действий». Назначение данной меры заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанности соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных запретов. Перечень приведен в ч. 3 ст. 123¹ УПК Беларуси, предусматривая, что с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела на данное лицо могут быть возложены следующие запреты:

1) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

2) пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться общей совместной собственностью – для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи;

3) общаться с определенными лицами;

- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет;
- 6) управлять транспортным средством – если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Введением данной меры угадывается намерение законодателя расширить вариативность мер пресечения, сделать систему таких мер более гибкой. Но насколько гуманной получилась данная мера, остается вопросом.

Во многом рассматриваемая мера пресечения сконструирована по образцу одноименной меры, введенной Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ ст. 105.1 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ). Данное нововведение и сопряженные с ним изменения вызвали различные суждения у российских ученых [1]. В юридической печати подняты вопросы о сроках применения запретов, объеме применяемых ограничений, соотношении с другими мерами пресечения, зачете времени соблюдения запрета в срок наказания и др.

Наибольшая дискуссионность связана с возможностью применения запретов, перечисленных в ст. 105.1 УПК РФ, в рамках таких мер пресечения, как залог и домашний арест. Обращено внимание, что при таком варианте регламентации принудительных мер происходит дальнейшее смешение разнопорядковых категорий, поскольку в одном случае «запрет определенных действий» предлагается именовать мерой пресечения, в другом – эти же запреты считать дополнительными обязательствами подозреваемого или обвиняемого [2].

В научной литературе высказана точка зрения и об отсутствии необходимости в новой мере пресечения как таковой. А.Р. Белкин указал: «Что же до запрета определенных действий, то такую меру логичнее отнести к иным мерам процессуального принуждения, которые вполне могут применяться в комплексе как с мерами пресечения, так и друг с другом» [3, с. 45]. С.А. Яковлева и А.С. Кутянина изложили предложение «исключить запрет определенных действий из системы мер уголовно-процессуального пресечения, а сегодняшние запреты, указанные в п. 2–6 ч. 6 ст. 105 УПК РФ, предусмотреть для всех мер пресечения как дополнительные обязанности, для которых требуется судебное решение, на что указать в ч. 2 ст. 29 УПК РФ и во всех нормах, регламентирующих конкретные меры пресечения, не связанных с заключением под стражу...» [4, с. 93–94].

В настоящее время приведенные научные суждения применимы и к ст. 123¹ УПК Беларуси, поскольку отечественный законодатель в ч. 2

ст. 125 УПК предусмотрел, что домашний арест, помимо запрета выхода из жилища полностью или в определенное время, может сопровождаться запретами, предусмотренными ч. 3 ст. 123¹ УПК, применяемыми как в отдельности, так и в допустимой совокупности.

В то же время изучение зарубежного опыта иных государств постсоветского пространства позволило установить, что в ст. 199 «Виды мер пресечения» гл. XX «Первое представление обвиняемого в суд, меры пресечения» Уголовно-процессуального кодекса Грузии предусмотрено, что «наряду с применением меры пресечения к обвиняемому могут быть также применены: обязанность лица являться в суд в назначенное время или по вызову; запрет на осуществление определенной деятельности и определенную профессию; обязательство ежедневно или с иной периодичностью являться в суд, полицию или иной государственный орган и представлять им отчетность; надзор со стороны назначенного судом учреждения; электронный мониторинг; обязательство находиться в определенные часы в определенном месте или без такового; обязательство не покидать определенное место или запрет на проникновение в него; запрет на встречи с определенными лицами без специального разрешения; обязательство по сдаче паспорта или иного документа, удостоверяющего личность; любая иная определенная судом мера, необходимая для достижения целей применения мер пресечения». Сходный подход использован законодателем Украины в ст. 194 «Применение меры пресечения» гл. 18 «Меры пресечения, задержание лица» Уголовного процессуального кодекса.

Несмотря на то что ни в первом, ни во втором приведенном примере неясна институциональная принадлежность дополнительно налагаемых ограничений (обязанностей), подход, использованный законодателем Грузии и Украины, представляется концептуально более верным. В этой связи для системного и последовательного развития уголовно-процессуального законодательства представляется целесообразным исследовать вопрос об ограничениях, которые, не являясь мерами пресечения, могут быть применимы к подозреваемому (обвиняемому) в рамках производства по делу для предотвращения угроз и иного негативного воздействия в адрес участников процесса, воспрепятствования расследованию преступления. Такие меры могут быть введены в дополнение к уже предусмотренным иным мерам процессуального принуждения (гл. 14 УПК Беларуси), либо рассмотрены в качестве обособленной системы мер в рамках указанной главы или иной главы разд. IV «Меры процессуального принуждения» УПК Беларуси. Решение поставленных вопросов должно включать исследование правовой природы и перечня

возможных мер, выработку порядка применения таких мер, соотношения с мерами пресечения, определение оснований и сроков их применения, учитывать международные стандарты и рекомендации.

Список использованных источников

1. Павлова, Л.В. Запрет определенных действий как новая мера пресечения: анализ законодательного опыта Российской Федерации / Л.В. Павлова // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 5. – С. 67–72.
2. Муравьев, К.В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения [Электронный ресурс] / К.В. Муравьев // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-zakonodatelstva-o-merah-presecheniya>. – Дата доступа: 04.01.2020.
3. Белкин, А.Р. Запрет определенных действий – хорошо ли он определен? / А.Р. Белкин // Судеб. власть и уголов. процесс. – 2019. – № 2. – С. 43–50.
4. Яковлева, С.А. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения / С.А. Яковлева, А.С. Кутянина // Вестн. Марийск. гос. ун-та. Серия «Ист. науки. Юрид. науки». – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 87–96.

УДК 343.43

М.Г. Решняк

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

В последние годы практически во всех странах мира нередко происходят коррупционные скандалы. При этом чаще всего подобные скандалы связаны с именами лиц, относящихся к категории «высшие должностные лица». Как показывает практика, в первую очередь, общественный резонанс получают преступления, связанные с получением взятки. Несколько лет назад комиссар Евросоюза по внутренним делам Сесилия Мальмстрем заявила: «В Европе нет зон, свободных от коррупции; она достигла умопомрачительных масштабов и ежегодно приносит ущерб европейской экономике в размере 120 млрд евро». Согласно проведенному опросу жителей стран ЕС, «самой коррумпированной страной считается Греция, где о массовом взяточничестве вспомнили 99 % опрошенных. Затем идут Италия – 97 %, Испания, Литва, Чехия – 95 %» [1].

Происшедшие в России в последние годы коррупционные скандалы, в которых оказались замешаны высшие должностные лица органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, дают

основание полагать, что в Российской Федерации, как и в европейских странах, имеет место коррупционная преступность. Подобные дела становятся резонансными и привлекают к себе значительное общественное внимание. Однако утверждать, что после возбуждения и расследования данных уголовных дел наступает желаемый – в части искоренения коррупции – результат, вряд ли возможно. Более того, можно предположить, что истинный масштаб коррупции в России гораздо выше, чем это представляется. Государство предпринимает определенные шаги в борьбе с коррупцией, однако, как показывает практика, их результативность невелика.

Стратегия национальной безопасности РФ (далее – Стратегия) относит «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию, препятствующую устойчивому развитию России и реализации стратегических национальных приоритетов» [2]. К вопросам обеспечения государственной безопасности, считая, что реализация Национальной стратегии противодействия коррупции (далее – Национальная стратегия) сформирует «атмосферу неприемлемости данного явления» [3]. В п. 56 Стратегии сохранение условий для коррупции определено как одна из главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики. Социальная опасность коррупционных правонарушений отмечалась и в упомянутой Национальной стратегии, где соответствующее явление было отнесено к числу системных угроз безопасности России.

Указанные положения свидетельствуют об осознании глобальности проблемы, что, по логике, должно повлечь за собой и соответствующие адекватные системные меры. Исходя из этого, поиск решений проблемы эффективности правовых мер противодействия коррупции, в том числе мер уголовно-правового характера, должен быть непрерывным и последовательным. Вместе с тем анализ российского уголовного законодательства показывает, что существующие в данный момент антикоррупционные нормы явно недостаточны для возбуждения уголовных дел и результативного расследования указанных преступлений.

Например, базовое понятие «коррупционное преступление» или «преступление коррупционной направленности» в уголовном законе (УК РФ) не закреплено, не раскрывается оно и в ином российском законодательстве. По нашему мнению, отсутствие непосредственно в уголовном законе понятия преступлений коррупционной направленности, а равно выделения группы таких деяний, не позволяет выстроить единую линию борьбы с ними, учесть особенности и повышенную общественную опасность уголовно наказуемых проявлений коррупции, применить к виновным лицам адекватные меры уголовной ответственности.